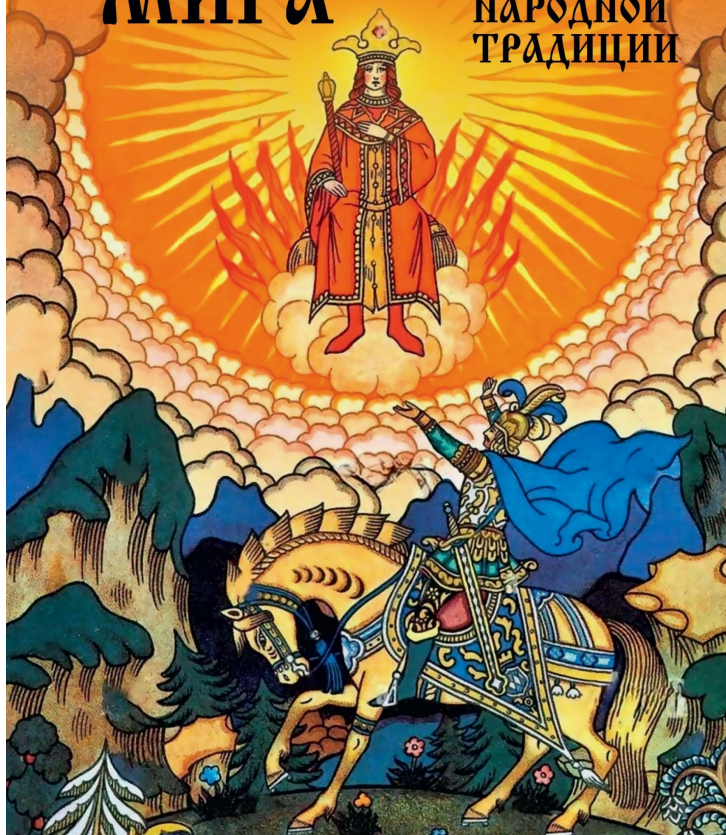

Афанасий ЩАПОВ

КАРТИНА МИРА

В РУССКОЙ
НАРОДНОЙ
ТРАДИЦИИ

Афанасий Прокопьевич Шапов

Картина мира в русской народной традиции

Серия «Неведомая Русь»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73954272

А. П. Шапов. Картина мира в русской народной традиции: ООО

«Издательство «Вече»; Москва; 2025

ISBN 978-5-4484-5457-8

Аннотация

Своеобразный мыслитель, историк, публицист и общественный деятель А. П. Шапов (1831 —1876) придерживался особенных взглядов на исторические процессы, как мы сейчас понимаем, совершил при этом ряд ошибок, которые привели к тому, что его имя оказалось почти забыто. Но признание ошибок не означает отказа признавать заслуги ученого, которые также, несомненно, имелись. В настоящую книгу вошли не основные его труды, а те, в которых автор пытается представить и описать картину мира, которая была присуща как древнерусским язычникам, так и Руси, уже принявшей крещение, а впоследствии прошедшей через церковный раскол.

Содержание

«Крестьянский историк» и народная картина мира	5
Исторические очерки народного миросозерцания и суеверия (православного и старообрядческого)	22
I. Влияние библейско-византийского учения об ангелах и святых на народное миросозерцание	28
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Афанасий Щапов

Картина мира в русской народной традиции

© С. Ермаков, составление, предисловие, частичный перевод примечаний, комментарии, 2025

© ООО «Издательство «Вече», 2025

*** * ***

«Крестьянский историк» и народная картина мира

Афанасий Прокопьевич Щапов (1831–1876) – один из тех полузабытых русских историков и общественных деятелей, чьи взгляды на историю нашей страны и концепции ее развития шли вразрез с устоявшимся подходом коллег и лишь в последние десятилетия на фоне общего интереса к отечественному прошлому выходят из тени более именитых персон. Он родился 5 (17) октября 1831 г. на территории Иркутского округа Иркутской губернии в селе Анга в семье дьяка и крещеной бурятки (или, возможно, тунгуски). В 1852 г., окончив семинарию, он отправляется в Казань и поступает в духовную академию. После завершения основного курса обучения был оставлен адъюнктом кафедры русской истории, работал временным преподавателем русской истории историко-филологического факультета Казанского университета. Основное внимание его привлекают церковный раскол середины XVII столетия и старообрядчество, в котором Щапов видел не столько религиозное движение, вызванное сопротивлением Никоновской церковной реформе, сколько социальный процесс, своего рода реакцию на усиление самодержавного строя и закрепощение населения. Щапов активно изучает архивы, которые были перевезены в Казань

из Соловецкого монастыря, чтобы исключить их захват или уничтожение в годы Крымской войны. В процессе этой работы Щапов приходит к пониманию, что отечественная история требует обращать больше внимания на отечественные источники. В отличие от зарубежных, на которых сосредоточил свое внимание Н. И. Карамзин, они позволяют получить понимание различных событий русской истории «изнутри».

В 1857 году Щапов защищает магистерскую диссертацию на тему «Русский раскол старообрядчества», получает должность профессора в Императорском Казанском университете, а уже в 1860 году представляет коллегам новую концепцию исторического развития.

«Русская история в самой основе своей есть, по преимуществу, история масс народа, история постепенного территориального устройства, разнообразной этнографической организации, взаимодействие, борьба, соединение различного политического положения областей до централизации и после централизации. Только в русской истории вы встретите своеобразное, территориальное и этнографическое самообразование областей», – утверждает Щапов в докладе «Общий взгляд на историю великорусского народа». Народ и его самоорганизация, а вовсе не государство, являются с его точки зрения движущей силой истории. Он предлагает делить прошлое не на удельный, московский и т. п. периоды, а на земельно-областной и государственно-союзный периоды.

Сосредоточивая внимание на истории России до начала Смутного времени, А. П. Шапов действительно видел множество тех вольностей, которые в любом вставшем на ноги, развитом и самостоятельном государстве отсутствуют. Спасаясь от ограничений, крестьяне разбегаются от центра страны в ее периферийные области, тем самым расширяя земли. Влечет их и пушнина – основной предмет русского экспорта, повышенный интерес к которому на протяжении многих веков дает Шапову основание говорить о «зоологической экономике»: «Бобры манили славян по финским рекам, серая белка обеспечила богатство Новгороду, соболь звал московитов в бесконечную Сибирь, морская выдра довела их до Аляски и Калифорнии».

Позиция молодого ученого привела его к идее о необходимости преобразования Российской империи в федеративное государство, причем он даже набросал некий проект федеративной конституции и активно общался с людьми, близкими ему по взглядам. Более того: воззрения А. П. Шапова оказали существенное влияние на зарождавшееся тогда движение областничества. В самом скором времени это привлекло к нему внимание III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, в котором Шапову уже в 1861 г. пришлось давать показания по поводу религиозно-политической речи, произнесенной им 16 (28) апреля в Казани по окончании панихиды по убитым правительственными войсками участникам крестьянского выступле-

ния в с. Бездна Спасского уезда Казанской губернии. Результатом расследования могла стать ссылка в Соловецкий монастырь, от которой Щапова неожиданно спасает тогдашний министр внутренних дел П. А. Валуев, взявший его на работу в свое ведомство. Надо сказать, что служебными обязанностями как таковыми Щапов не интересовался вовсе.

Впрочем, и покровительство столь высокого должностного лица не спасает «крестьянского историка», как его называли порой, от ссылки на родину, в Иркутск, которая последовала в 1864 г. Здесь он и проводит в весьма стесненных условиях последние годы своей жизни, продолжая вести исследования, в которых развивал климатическую теорию, согласно которой умственные и физиологические качества народов зависят от места проживания и климата.

Отдельные статьи А. П. Щапова публиковались в периодических изданиях, а в начале XX в. вышло трехтомное собрание его сочинений, снабженное критическими замечаниями коллег. Некоторый интерес к историку-демократу появился в первые годы Советской власти, тогда же вышел и дополнительный том. Была составлена периодизация научных работ, прослежена эволюция взглядов историка.

Нельзя не признать, что внимание к народу и историческим процессам в его основной массе, были несомненной заслугой Щапова. Все же история, в том числе и русская, не есть лишь деяния отдельных личностей, пусть даже выдающихся или облеченных властью. Но внимание Щапова к на-

роду и отказ учитывать все остальные факторы исторического процесса мало отличаются от сведения его к биографиям правителей. История есть явление комплексное, в котором ни один элемент не может рассматриваться в отрыве от всех прочих.

На период работы автора под началом П. А. Валуева пришлось написать составивших эту книгу двух исследований, посвященных попытке изучения народной картины мира, поиску соотношения в ней языческого, старообрядческого и современного православного, пришлось. Они напечатаны в нескольких номерах «Журнала Министерства народного просвещения» за 1863 г. по разделу науки.

Вообще статьи, на первый взгляд, несколько выбиваются из общего характера работ П. А. Щапова, и даже та мотивация, которую приводит он в начале первой работы: «...при теперешней заботе об устройстве народных училищ крайне необходимо, между прочим, предварительное изучение исторического развития и склада той простонародной умственной почвы, которую предстоит нравственно обрабатывать», – не кажется совсем уж убедительной. Но далее становится ясно, что, по мнению автора, это необходимо для формирования понимания, в каком именно направлении следует вести в народной среде просветительскую деятельность.

В наше время «невежество» народных масс явно стало иным, но совсем уж, увы, так и не исчезло. Разбирательства с причинами его существования оставим сейчас в стороне

и лучше сосредоточим внимание на том, чего в XIX в. еще не понимали до конца наши уважаемые историки и фольклористы. А именно на том, как складываются и развиваются миф и связанная с ним картина мира. Более или менее проработанная теория мифа, подкрепленная исследованиями в области антропологии, психологии, фольклористики, появилась только в следующем столетии.

Тем не менее основы ее закладывались в том числе и усилиями предшественников, в том числе Афанасия Прокопьевича Щапова. В контексте поднимаемой им темы следует признать, что вопрос соотношения христианских и дохристианских элементов в народной картине мира и традиционном укладе с конца X века, то есть официальной даты принятия киевским великим князем Владимиром христианства по византийскому образцу, был и остается одной из самых интересных и всегда актуальных проблем истории русской культуры.

В зависимости от изученных или доступных материалов, а также, что уж скрывать, от личных пристрастий и политической конъюнктуры, авторы многочисленных работ на эту тему предлагают различные пути ответа на обозначенный вопрос. Не ставя перед собой задачу написания научного труда, попробуем только представить заинтересованным читателям черновой набросок, краткий очерк всей этой ситуации, чтобы они могли при желании самостоятельно разобраться с ней или сформировать представление о том, может ли она быть

разрешена в принципе.

Любая этническая общность формирует ту или иную картину мира, которая складывается под влиянием множества внешних объективных факторов. Мы говорим сейчас не о картине мира отдельной личности, а о совокупном представлении, присущем значительной группе людей, которая сохраняется и передается по наследству. Часть факторов можно обозначить как природные, то есть связанные с условиями, в которых складывается или живет наша предполагаемая общность. Другая группа может быть отнесена к антропологическим и социальным, и здесь уже уместно говорить об уровне развития общества, имеющихся в нем классах и условиях, а также о господствующих религиозных представлениях. До определенного времени научная картина мира отсутствует в принципе, поскольку отсутствует собственно наука как особый вид человеческой деятельности.

Так или иначе представление об окружающем мире у любого человека складывается с рождения, и не надо думать, будто бы в прошлом потребности в нем не существовало. Существовала, но точно так же, как известному литературному сыщику не требовалось для раскрытия преступлений знать, вращается ли Земля вокруг Солнца, представление было ограничено насущными нуждами и доступными средствами познания. Важно понимать, что славянская языковая общность только складывается тогда, когда в античной Греции «любомудры»-философы уже закладывают основы ло-

гики и естественно научного подхода, а до того момента, когда наши далекие предки смогут с ними познакомиться, а главное, понять, должно пройти еще множество веков. Это никоим образом не делает праславян и их потомков глупее древних греков, но они жили в других условиях, и необходимость в чем-либо подобном еще не возникала. А если нет необходимости, не возникает и потребность, а следовательно, идея. Земледелец и скотовод (как, кстати, подавляющая часть обычных греков, а не небольшой, хотя и яркой прослойки жителей полисов) едва ли особо нуждаются в сложных объяснениях.

Восточнославянская, в том числе русская народная традиция сформировала картину мира, в основе которой, как у всех народов прошлого, лежало дологическое мышление, которое также называют еще и мифологическим, поскольку в основе его лежит мифологическое восприятие окружающего.

Прародина славян. Художник Альфонс Муха

В нем, в отличие от привычных нам по школе или институту рассуждений, властвует образ. Поскольку люди еще не накопили достаточно количества объективных знаний, они описывают окружающее образами, знаками, которые превращаются в символы, связанные с действиями и волей сверхъестественных существ. Люди мыслят по аналогии, а не выполняя логические операции. «На символы переносятся свойства символизируемого в такой полноте, что символ не только становится объектом поклонения, но и наделяется силой, присущей тому, что он символизирует. От-

сюда склонность приписывать некоторым вещам, символам *par excellence*, особую, магическую силу» (П. М. Бицилли, «Средневековая эстетика»). Что уж тогда говорить о «вещах» (читай: объектах) непонятных, недостижимых. Миф не требует доказательств, он опирается на веру, которая предполагает, что описываемое истинно. При этом, поскольку наблюдателем и толкователем окружающего оказывается, естественно, человек, мифологический взгляд на мир предельно антропоцентричен и склонен к резкому разделению, поляризации наблюдаемого. Наиболее понятный пример: есть «свои», а есть «чужие», есть мы, люди, и все остальные, только похожие на нас, чью принадлежность к роду человеческому еще требуется установить. Подобные оппозиции присутствуют везде, начиная с разделения на мужчин и женщин.

Таким образом, древние представления о мире неотъемлемы от мифа, который является способом описания реальности, в которой пребывают люди. Миф объясняет ее, и порою за кажущейся простотой могут скрываться достаточно сложные и абстрактные понятия, пусть даже нам они не представляются соответствующими реальности.

Надо сказать, понято это исследователями мифологии и фольклора было далеко не сразу. Потребовалось накопить и осмыслить значительный объем знаний, чтобы появилось следующее понимание, которое блистательно охарактеризовал Е. М. Мелетинский («От мифа к литературе»): «Способствуя порождению впоследствии других культурных форм,

миф продолжает хранить известную ценность, разумеется, чуждую научному знанию. Миф пытается разрешить некоторые проблемы, которые практически находятся вне науки. Это метафизические проблемы по поводу рождения и смерти и человеческой судьбы. Миф исключает необъяснимые события и неразрешимые коллизии. То, что менее ясно, миф пытается интерпретировать с помощью того, что более ясно, более трудное – посредством более легкого. Цель гармонизации и регламентации доминирует над жадой знания. Мифологический подход не оставляет места для колебаний, противоречий, сомнений, для методологического хаоса. Модель мира ориентирована аксиологическим, ценностным образом. Миф объясняет мир так, чтобы универсальная гармония не была поколеблена. Миф не ограничивается персональной психологией. Его модель мира охватывает все необходимые элементы природы и культуры. Миф интересуется местом человека в природе и культуре, его социальной ролью».

Теперь, наконец, сформировав некоторое представление о мифе вообще, вспомним о том, с чего мы начали, а именно о проблеме изучения соотношения языческого и христианского в древнерусской картине мира.

Это один из самых сложных и спорных вопросов истории нашей культуры. Как составить достоверное представление о дохристианских верованиях славян, чтобы потом сравнивать их с пришедшим из Византии православием? Выиски-

вать сходства и различия? В первую очередь мы сталкиваемся с проблемой информации, источников. Их удручающе мало, недостаточно для составления объективной картины. Свидетельства современников в трактатах, письмах, хрониках и т. д. написаны не людьми, которые предварительно старательно собирали информацию, изучали общество изнутри, а исповедовали другую веру и не считали необходимым подробно разбираться в языческих воззрениях «диких народов». Вполне очевидно, что сообщения эти не беспристрастны и по определению не могут быть достаточно полными.

Несомненно, можно пытаться восполнить пробелы, сравнивая с сохранившимися сведениями о представлениях народов-соседей и народов-родственников. Но во всех случаях это будут только допущения и предположения, а не доказательные факты. Общность происхождения далеко не обязательно указывает на общность дальнейшего развития и тем более понимания единых некогда представлений. Так, родство античной и индийской мифологии далеко не всегда очевидно и заметно. А как быть в ситуации, когда в огромном причудливом полотне с хитросплетенным узором не просто зияют дыры – не хватает большей части? Но именно так и обстоит дело с источниками по славянской мифологии.

Добавим к этому еще одну мысль, часто выпадающую из внимания исследователей или интересующихся: влияние более развитых мифологических и религиозных систем на сосуществующие с ними рядом происходит постоянно. При-

менительно к славянам, например, это может означать, что их предки и собственно ранние племена данной языковой группы, которые жили в зоне древнегреческого и римского влияния, вполне могли многое позаимствовать — и заимствовали, в том числе задолго до появления христианства. Заимствования быть случайными, окказиональными, а могли быть и более объемными. Иначе говоря, и дохристианские, и христианские элементы вполне могли стать составной частью языческой религии славян, которые по каким-то причинам переняли их и сделали своими.

В результате перед нами разворачивается довольно сложная и, что важно, неоднородная картина, поскольку единая общеславянская и даже восточнославянская мифология сложиться не успевает, межплеменные различия должны быть довольно существенными по множеству причин. Между предполагаемой попыткой князя Владимира создать общерусский единый культ и переходом его в христианство проходит всего восемь лет.

Как следствие, в попытке «отфильтровать», отделить достоверно языческое и славянское от привнесенного и заимствованного историку приходится выполнять огромный объем работы без гарантии удовлетворительного результата, а реконструкция мифов всегда будет исключительно предположительной. Ни обращение к фольклору и эпосу, ни привлечение данных археологии не позволяют получить желаемой полной, подробной и достоверной картины. Это очень

приискорбно, особенно если помнить еще и о количестве искажений и противоречивых свидетельств по данному предмету. Есть среди них как вольные, так и невольные ошибки. Подробно разбирать их здесь нет места, но на одну стоит обратить внимание. Во множество популярных и даже в ряд научных публикаций проникли слова, которые традиционно приписывают некоему кардиналу д'Этли (иногда д'Эли и даже Д. Эш), писавшему папе римскому в XV в. так: «Русские до такой степени сблизили свое христианство с язычеством, что трудно было сказать, что преобладало в образовавшейся смеси: христианство ли, принявшее в себя языческие начала, или язычество, поглотившее христианское вероучение».

На самом деле в предыдущем предложении не хватает одного слова: «якобы», якобы писавшему. Во-первых, потому что кардинал (и вообще деятель католической церкви с таким именем) в это время неизвестен. Во-вторых, единственный похожий персонаж, а именно кардинал Пьер д'Айли, упоминаемый, кстати, и в книге А. П. Щапова как любитель астрологических прогнозов – если и сообщал о чем-то подобном, то в совершенно другом контексте. Оказалось, что речь должна идти вовсе не о русских вообще, а о населении Великого княжества Литовского, среди которого, по его словам, процветало манихейство, смесь язычества и христианства: «...русские первые занесли христианство в Литву около первой половины XI века, но впоследствии эти христиане, заразившись неправым учением манихеизма, в такой сте-

пени сблизили свое христианство с язычеством, что трудно было сказать, что преобладало в образовавшейся смеси, христианство ли, принявшее на себя языческие начала, или язычество, поглотившее христианское вероучение» (Смирнов М. П. Ягелло-Яков-Владислав и первое соединение Литвы с Польшей. Одесса, 1868, с. 161–162; именно на это издание все и ссылаются, но цитируют практически постоянно неверно).

Свидетельства о распространении на землях будущей Украины и Литвы манихейской ереси в XIII–XIV веках действительно имеются. Только речь идет не слиянии христианства с язычеством и не о Руси в широком смысле слова вообще.

Тем не менее, цитата активно используется не только сторонниками долгой сохранности восточнославянского язычества в древнерусской среде, не только критиками язычества всех видов, но и даже адептами абсолютно фэнтезийных альтернативных теорий.

Собственно, в контексте наших рассуждений приведенный пример следует воспринимать лишь как дополнительную сложность в решении задачи разделения языческих и христианских представлений о мире.

А.П. Шапов

А. П. Шапов пытается разобраться с этим доступны-

ми ему методами, он отталкивается от бытовавших тогда представлений о языческом мировоззрении, но сосредоточен в основном на том, что ему доступно: различая ветхо- и новозаветные канонические источники, выискивая следы апокрифических представлений, и старается понять, «как встретились старые зооморфические и антропоморфические олицетворения сил и стихий природы с церковным учением об ангелах, святых и в какую форму под влиянием этого учения видоизменились». В результате ему удастся представить читателю книжную картину мироздания, а собственно народный образ вселенной в ее как бы языческой ипостаси остается смазанным. Иначе получиться и не могло, потому что если подобное и сохранялось, то, конечно, едва ли в первоначальном виде.

Тем не менее попытка автора отделить одно от другого имеет «свое лицо», отлична от других и уже в силу этого интересна. Мы знаем о других исследованиях XIX в. в том же направлении, предпринятых А. Н. Веселовским, Н. М. Гальковским, А. А. Потебней и рядом других более или менее известных историков, тогда как труд Щапова только сейчас, возможно, привлечет внимание интересующихся людей.

С. Ермаков

Исторические очерки народного мировоззрения и суеверия (православного и старообрядческого)

При современном сознании крайней необходимости просвещения темных масс народа, при теперешней заботе об устройстве народных училищ крайне необходимо, между прочим, предварительное изучение исторического развития и склада той простонародной умственной почвы, которую предстоит нравственно обрабатывать. Этим изучением определятся настоящие умственные недостатки и потребности народа и укажутся характер и приемы самой умственной культуры или сущность и направление народнообразовательной системы.

По преобладающей практичности, реальности русского народного ума, ему, при гуманистическом просвещении, преимущественно необходимо реальное – естество-познавательное и жизненно-практическое образование. Уже Мордвинов в свое время доказывал всю необходимость распространения в народе, особенно в сельском, знаний естественных – физики, ботаники, зоологии, минералогии, химии, технологии и т. п., и в этом полагал главный предмет пра-

вительственной заботы. Естественно-реального образования требуют, наконец, не только последние выводы, интересы и направление общеевропейского просвещения, характеризующегося преимущественно естественными открытиями и изобретениями, но и, в особенности, исторически развившиеся и теперь обнаруживающиеся крайние умственные недостатки нашего простого народа – незнание природы и суеверие. Ввиду совершающегося преобразования быта огромной и самой важной массы нашего народонаселения – крестьянства, ввиду новых потребностей сельского хозяйства – главного жизненного элемента нашего экономического быта, потребность реально-естественного образования сельских масс является особенно ощутительною и настоятельною.

Дьячок объясняет крестьянам картину Страшного суда.
Художник В.В. Пукирев

Крайне необходимо и в высшей степени желательно, чтоб наши ученые, занимающиеся физикой, и вообще естественными науками, а также сельским хозяйством и медициной, позаботились, наконец, по примеру западных естествоиспытателей, об издании для темных масс простого народа популярных этюдов или чтений по разным отраслям естествознания. Это святой долг их. С этою целью, для наибольшей

популярности и удобоприменимости таких естествознательных очерков или чтений к умственному уровню или понижению простого народа, весьма полезно и даже нужно нашим естествоведам знакомиться с историей народного мирозерцания и суеверия. Недаром такие западные ученые, как например, Кювье¹, Араго, Изидор Жоффруа Сент-Илер, Шлейден и другие, издавая свои популярные естественные книги или чтения, прибегали к истории естествоведения и суеверия и даже сами излагали ее. Для наших ученых-естественников представляют весьма важный и обильный материал для изучения народных естественных заблуждений и суеверий такие, исстари распространенные в народе, книги и сборники, как например, астрономии, географии, космографии, громовники, лечебники, травники, зелейники, цветники, словари XVI и XVII столетий и проч. Все эти и подобные старинные источники народного естествоведения ждут критического разбора специалистов-естествоиспытателей.

Для того чтобы знать, какие умственные и нравственные болезни лечить в народе посредством просвещения, зани-

¹ Жорж Леопольд Кювье (1769–1832) – французский естествоиспытатель, натуралист, ввел разделение царства животных на четыре типа, считается основателем сравнительной анатомии и палеонтологии; Франсуа Жан Доминик Араго (1786–1853) – французский физик, астроном и политический деятель. Исидор Жоффруа Сент-Илер (1805–1861) – французский зоолог; Маттиас Якоб Шлейден (1804–1881) – немецкий ботаник и общественный деятель, специалист по цитологии и физиологии растений. Все перечисленные были иностранными членами Императорской академии наук и, соответственно, были известны в России, почему, можно предположить, и упоминаются автором. – *Сост.*

мающиеся историей русской жизни и литературы, с своей стороны, также должны, во-первых, приводить в ясность ту сумму разнообразных понятий о природе и физической жизни человека, какую накопил наш народ в своем мирозерцании в течение тысячелетней жизни; во-вторых – указывать в истории и литературе те источники, из которых народ заимствовал свои понятия, верования или суеверия и предрассудки; в-третьих – исторически раскрывать удобства или неудобства, плодотворность или бесплодность, пользу или вред тех или других, изведенных в нашей истории, способов и источников народного образования; и, наконец, исторически определять влияние истаринного, векового мирозерцания народного на современное состояние народной умственной жизни, а отсюда отчасти – и характер, и потребности так насущно необходимого теперь народного просвещения, и проч. С такою мыслью мы, еще в 1859 году, занялись собранием материалов для исторических очерков народного мирозерцания и суеверия. К сожалению, работа наша неожиданно была прервана. Только два очерка, и то в отрывках, были напечатаны в «Православном собеседнике», именно: очерк народного христиански-космогонического мирозерцания и взгляд древнерусских, преимущественно простонародных, пустынножителей на природу. Самый первый очерк, составляющий введение, именно очерк религиозно-языческого или мифологического славяно-русского мирозерцания, остался в рукописи у студентов Ка-

занского университета. Остальные, готовые очерки, какие сохранились под руками, теперь считаем небесполезным постепенно напечатать, не придерживаясь строго систематического порядка. Не имея под руками прежних источников, какие представляла в Казани Соловецкая рукописная библиотека, и не имея прежней возможности свободно заняться обработкой всех добытых тогда материалов, предлагаем очерки в том виде, как они были первоначально составлены.

На первый раз предлагаем краткий очерк влияния библейско-византийской санктологии и пневматологии на народное миросозерцание. В ряду других очерков, в полном цикле народного миросозерцания, этот очерк необходим. Затем следуют очерки мистико-символического народного миросозерцания, особенно укоренившегося у некоторых сект народных, например у людей божиих, очерки земледельческого миросозерцания, очерки народных громовников, травников, зелейников и проч.

I. Влияние библейско-византийского учения об ангелах и святых на народное мирозерцание

Известно, что церковные учителя Древней Руси строго преследовали народные мифологические воззрения на природу как «бесовские мечтанья», искореняли все эти живые эпические образы народного мирозерцания – естественные выражения младенческой фантазии народа. На место того они укореняли в народные понятия или библейские изображения природы, библейскую физику, или мнения и воззрения отцов и учителей восточновизантийских. Сами они, как воспитанники церковно-византийской школы, учились христианскому мирозерцанию вполне по библейским и византийским источникам. Древнерусские книжники, писатели и учителя почерпали понятия о мире, во-первых, из книги Бытия, псалмов Давида и вообще из книг библейских; во вторых, из разных греко-восточных толкований на книгу Бытия и на псалмы, особенно из толкования на книгу Бытия Епифания Кипрского, из Шестоднева² Василия Велико-

² Шестоднев (правильнее Беседы на Шестоднев) – распространенные в византийской и славянской и других христианских традициях экзегетические произведения религиозно-философского и богословского характера, толкование первых глав книги Бытия, которые были направлены против физических теорий «эллинских (т. е. языческих) мудрецов» и объясняли основы мироздания с точки

го, из переделки его Шестоднева Иоанна Экзарха Болгарского, из толкования Афанасия Александрийского на Псалтирь, из творений Григория Богослова, из книги «Небеса» Иоанна Дамаскина; в-третьих, из богослужебных книг, в которых вполне выразилось восточно-библейское мирозерцание; в-четвертых, из византийских космографий, хронографов, палей и т. п. Церковные писатели последующих веков прибавляли к этому некоторые другие, более специальные источники. Так, например, Кирилл Белозерский читал и списывал статьи из Галена³ о происхождении грома и молнии, о падающих звездах, об устройстве Земли, о землетрясениях, о четырех стихиях, о морях и проч. В 1384 году (Татищ. Ист. IV, 313) Димитрий Зограф перевел с греческого на русский язык сочинение Георгия Писиды «Похвала Творцу мира», книгу, весьма обильную средневековыми и преимущественно восточными сказаниями и понятиями о природе, о разных ее явлениях и предметах. Около половины XVI века встречается в рукописях восточновизантийское землеописание Козмы Индикоплавта⁴, под заглавием «Книга, нарицаемая Козма Индикоплов, избранная от божественных писа-

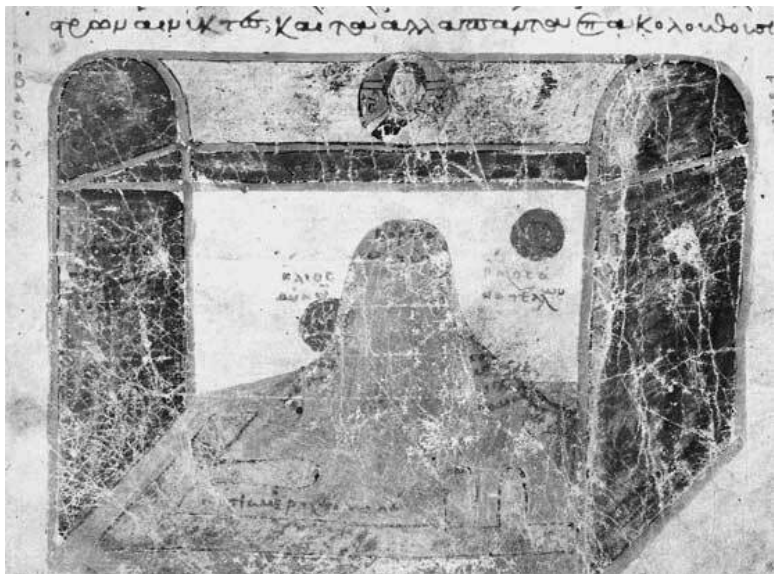
зрения Библии и христианского вероучения. — *Сост.*

³ Гален (129–216) – древнеримский медик, хирург и философ греческого происхождения. Внес существенный вклад в анатомию, физиологию, патологию, фармакологию, неврологию, философию и логику. — *Сост.*

⁴ Козьма Индикоплов (Индикоплевт) – византийский купец, автор книги «Христианская топография», написанной между 535 и 547 годами. — *Сост.*

ний благочестивым и повсюду славным Кир Козмою»⁵. Из этих и подобных источников древнерусские книжники-учители заимствовали понятия о природе, преимущественно из книг библейских и святоотеческих, и на основании их старались искоренить мифологические начала народного мирозерцания и поучать народ библейско-византийскому мировоззрению. Не раскрывая в подробности борьбу и смешение народных мифологических понятий с библейско-византийским учением, мы в настоящем очерке рассмотрим только, как встретились старые зооморфические и антропоморфические олицетворения сил и стихий природы с церковным учением об ангелах, святых и в какую форму под влиянием этого учения видоизменились. В этом отношении византизм особенно выпукло отразился на умственной жизни нашего простого народа и навеял целую массу своеобразных понятий и суеверий.

⁵ В предисловии ее сказано, по списку Макарьевской четвь-минеи: «В лето 7010 (т. е. 1542 г) генваря в 19-й день написаны быта книги сия Козма Индикоплов повелением... архиепископа великого Пскова и Новгорода, владыки Макария». *Буслаев*. Историч. очерки русск. словесн. II, 325. Греческий текст издан и переведен на латинский и французский языки (*Collectia nova patrum et Scriptorum Graecorum Edit. Montfaucon, 1706. Parisiis, t. 2*).

Картина мира из Христианской топографии Козьмы Индикоплова

Стараясь уничтожить народную веру в зооморфическую и антропоморфическую олицетворенность сил, стихий и явлений природы, церковные учителя внушили народу, на основании греко-восточного христианского мировоззрения, что над каждой стихией, над каждым явлением природы Бог поставил особых духов, ангелов. Так, в церквах русских с XI века читалось народу толкование Епифания Кипрского на книгу Бытия, где подробно раскрывается мысль, что анге-

лы приставлены управлять стихиями и явлениями природы. Толкование это, особенно то место из него, где говорится об ангелах грома, молнии, ветра и проч., переписывалось в многочисленных сборниках и занесено было в такие сборники, которые преимущественно или даже исключительно наполнены статьями народного чтения. Так, например, читаем в Соловецком сборнике под № 993: «Епифания Кипрского архиепископа сказание, как Бог сотвори от начала до седьмого дни: в первый день небеса вышняя и землю и воду, от них же есть снег и град, и лед, и роса, и дух, и служащий пред ними суть сии ангелы: ангел духом и буре, ангел облаком и мгле и снегу, ангел студени и зною, и зиме, и осени, и всем духом, ангел земли, тьме» и проч.⁶ Мысль эта, развитая учителями греко-восточными и сообщенная в их творениях славяно-русской церковной письменности, с самых первых веков стала догматом для наших книжников. Уже летописец Нестор с полною верою записал в своей летописи следующее событие и по поводу его высказал свое убеждение в действительности присутствия ангелов в природе: «В лето 6618 было знамение в Печерском монастыре в 11 день февраля месяца: явился столп огненный от земли до небеси и молния осветила всю землю и в небеси гром погромел в первый час ночи, и весь мир видел: а столп этот сперва стал на трапез-

⁶ Епифаний, согласно с мнениями других греко-восточных учителей, признавал также особых ангелов, гениев народных. *Advers. haeres.* T. I, lib. 2, cap. 34, pag. 456–457.

нице каменной, так что не видно было креста, и, постояв мало, спустился на церковь и стал над гробом Феодосьевым, и потом ступил на верх как бы к востоку лицом, и потом невидим был. А это был не огненный столп, ни огонь, но вид ангельский: ибо ангел так является, иногда столпом огненным, иногда же пламенем, как сказал Давид: творяй ангелы своя духи и слуги своя огонь пламен, и посылаются они повелением Божиим, куда хочет Владыка и Творец всех ангелов и человеков: ибо ангел приходит, где добрые места и молитвенные дома, то огненным образом, то столпом, то другим видением, как можно видеть людям: ибо нельзя людям зреть естества ангельского, как и Моисей великий не возмог видеть ангельского естества, ибо водил их днем столп облачный, а ночью столп огненный: то это не столп водил их, но ангел шел перед ними ночью и днем. Так и это явление показывало нечто, чему было быть и было: ибо на второе лето, не ангел ли был вождем на иноплемеников и супостатов, как сказано: ангел пред тобою предидет, и опять: ангел твой буди с тобою, как пророк Давид говорит: яко ангелом своим заповесть о тебе, сохранить тя во всех путех твоих. *Как пишет премудрый Епифаний*: к каждой твари приставлен ангел: ангел облаков, и мглы, и у снега и града, и у мороза, ангелы в звуках и громах, ангел зимы и зноя, и осени, и весны, и лета, и всему духу твари его на земле, и у преисподней тмы и у сущей в безднах, бывшей древле вверху земли, ангел ветра и ночи и света и дня, ко всем тварям ангелы приставлены»,

и проч.⁷

В древнерусской письменности, в книжной литературе подаются любопытные умствования о явлениях природы, в которых представляются действующими ангелы. Например, в конце жития Кирилла Белозерского по Солов. рукоп. под № 219, читаем такую беседу Епифания с св. Андреем «о водах, и о дожди, и о грому, и о молнии». «Вода, яже из облака исходит дождьми. с небеси ли исходит ци (новгород. вопро- сительное ли?) от инуд в облакы входить? Андрей рече: дугу мою поставлю, рече Бог, на облацех. Да и дуга бо повелением Божиим собирает морскую воду, как в мехи: и наливает облачной воды: да егда повелит Бог вдати дождь на землю, восходит шум из трубы дужной, а той дух есть бурен вельми и смущаяся; да как дух начнет раздирати облаки, уготова- ти путь воде и проливати ю в ширину вданому тому облаку, да тем путем великим скрежет сотворится: сей скрежет чело- вецы навькли называти громом; понеже скрежет облакы, готовя путь, да быша прияли воду, да егда приидет дух пра- вый громный и отпустит облакы, тогда паки входит другой дух воду кропя, скрежеща и гремя, наполняя облакы водой, яко же и губу. И посем отверзается другое сокровище одер- жашее их и воду, и прежь поидет дух сущий в нем с громом пути творя водам, хотящим прияти на облак цех, да тако пу- щает, отверзает сокровище водокровно: служба бывает, гро- мови громят; гром бо приходит пред водою, множицею же

⁷ Летоп. Нестора, с. 121.

и без грома бывает дождь. Но не о себе сами ти облацы дожди дают, а владыка Бог ангел к ним приставил есть (ангелов приставил), да их направляют и на всю тварь небесную. Епифаний рече: откуда исходит молния? Андрей рече: трубы облачные собирают от моря и от рек воды и от озер, и напивше восходя избывают из себя воду в сокровенныя бездны: да егда наполнять вся, отходят на страну на места своя и пребывают недвижущеся, потом же молния утверждение е(сть) сокровище тме и содержит в себе воду ту. и подает ю всю соль искренну (sic), аще есть морская вода та; таже исходит ангел Господень яве, древом честнаго креста разслажает воды ты, таже потом молния та приходит пред громом сущая во облацех на низ и прежь очищает и приготовляет. Пророк бо глаголет: молния, рече. вождь сотворил есть Бог; и паки другой пророк глаголет: молния направляя воды и погреманием разсеяя капля по облаком», и проч.

В страшную грозу от молний загораются церкви в Город-

це, Суздале и других городах. Лицевой летописный свод

Такие статейки читали народные грамотники и подчас прочитывали и пересказывали их народу. Сам народ нередко мог слышать подобное учение о духах или ангелах грома, молнии, дождя и проч. в церкви, где читалось подобное толкование Епифания; мог слышать его и от монахов-грамотников, которые толпами бродили тогда по деревням, особенно от старцев посельских, мог слышать в столь обычной в Древней России беседе с подвижниками, которые, как например, Кирилл Белозерский, любили иногда заниматься такими библейско-физическими созерцаниями. И вот неудивительно, что грамотник народный и даже сельские колдуны и колдуньи стали верить, что повсюду в природе пребывают и действуют особые духи-ангелы; не подозревая невидимых сил и законов физических, стали видеть ангелов в тех явлениях, где прежде видели Перунов, Хорсов. Горцуков⁸ и т. д. Византийская апокрифическая беседа трех святителей, переделанная на славяно-русский лад, подкрепляла это верование. В ней народные грамотники читали такое толкова-

⁸ Горцуки (правильнее гáрцуки, от гарцувать, т. е. бегать взапуски, играть) – по утверждению П. Древлянского (П. М. Шпилевского) – духи, обитающие в горах и подвластные Перуну, которые обращаются в хищных птиц и взмахами крыльев порождают бури и ураганы. Приобрели известность после выхода знаменитого труда А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». В настоящее время доказано их «кабинетное» происхождение, в народной традиции они отсутствуют. – *Сост.*

ние о духах грома и молнии: «Иван рече: от чего гром сотворен бысть? Василий рече: два ангела громная есть; елленский старец Перун, и Хорс жидовин, два еста ангела молнии. Вопрос: что есть гром и молния? Толк: ангел господень летяя бьет крилома и гонит дьявола. Молния суть свиты ангельския. И егда идет дождь, тогда дьявол станет. И егда молния ходит, стрекаются, то со гневом ангел господень зрит на дьявола»⁹. Как по учению гностиков, были особые ἄγγελος κοσμοκράτορες, был ἄγγελος τοῦ ἡλίου (ангел солнца), так и по русским апокрифическим сказаниям, имеющим связь с византийско-гностическими апокрифами, во всех явлениях и силах природы представляются действующими духи Божии ангелы, например, был особый «ангел в солнце». Непросвещенные грамотники еще более утверждались в таком убеждении, если читали апокрифическую книгу «О всей твари чтение, где сказано, как 300 ангел солнце воротят». В глубокой древности образовалось и доселе существует между нашими поселянами поверье, что *каждое светило имеет своего ангела: один ангел носит по небу солнце, другие луну и звезды. Вечером каждый ангел зажигает свою звезду как лампаду, а к утру тушит ее* (Отеч. зап., 1842 г.,

⁹ Сборн. № 1138. В беседе Панагиота с Фрязином Азимитом также читаем о молнии и грома: «...девять ангелов, обравшись на небеси, радуются о славе божественной и трепещут своими крыльями; и от ударения крыльями облака идут по аеру, гремят и дождям, а от силы ангельской исходит огонь и молния с великим громом на проклятого змея». Ркп. проф. Григоровича. У Буслаева. Историч. очерки русск. словесн. I, 501.

№ 6. Ст. Мельникова, с. 51. Архив историко-юридич. свед. о России. Кн. 1. 1854, отдел VI, с. 8). И сочинилась таким образом в народном мирозерцании, если можно так выразиться, физиократия ангельская. Придумано было много ангелов лишних, небывалых, вовсе неведомых и до третьего небеси восхищенных. Стих из любимого народом псалма «Живый в помощи Вышняго», которым и доселе заговариваются простолюдины «от вещи во тме преходящей, от зрящаго и беса полуденного», который в сельских мануканунцах или сборниках заговоров и наговоров заменял древнее языческое «прославление», стих этого псалма «...яко ангелом своим заповесть о тебе сохранить тя во всех путех твоих» утверждал народ в вере, что точно во всех путях есть ангелы-хранители. Древнерусские народные грамотники верили в бытие особых ангелов в каждой области природы. Они знали, какое проявление или какой случай физической жизни человека от какого именно ангела зависит. Они представляли особого ангела в горах и в пустынях, особого ангела на реках и морях, особого ангела во тьме ночной, верили в особого ангела физического здоровья, в ангела, утверждающего дом, в ангела, невидимо осеняющего питье и пищу, пиво и хмель и всякое употребляемое человеком произведение природы. В старинных сборниках находятся особые статьи о таких физических разрядах или разделах ангелов. Например, в Сборнике Соловецкой библиотеки под № 889 читаем такую статью, «Аз, Григорий рече, приидох ко ангелу

и рех ему сия: скажи ми Господи ангеле!¹⁰ Аще плававши в лодии, помяни святого ангела Гавриила: и избавит тя от всякаго зла, аще хоцещи итги по горам, или по пустыням, помяни св. ангела Раила, соблюдет тя, аще воду пиеши, помяни св. ангела Поила, во дни и в нощи... егда ложися спать, помяни святого ангела Помаила, той бо есть ночный страж нам спящим; егда будеши в печали, помяни ангела Афонаила, той бо есть утешитель ангелам и человекам; егда стяжеша дом, или храм ставити, помяни святого ангела Мисаила, той бо есть утверждение храму; возставая из утрия, помяни святого ангела Михаила, тогда весел день имаши; егда налиеши пиво или мед, или иное что, помяни святого ангела Рахваила, споро ти будет; егда идеши тягаться, помяни святого ангела Уриила, скоро потяжеша, егда идеши на путь, помяни святого ангела Русаила – супротивник не будет; егда идеши в лир – помяни святого ангела Панфараона»¹¹. Веря в ангельское мироправление, в живое участие их в жизни природы, народное эпическое мирозерцание представляло их

¹⁰ Здесь в рукописи чего-то, кажется, недостает по ходу речи.

¹¹ Эта статья отчасти напоминает нам известную апокрифическую четвертую книгу Ездры, где также Ездра вопрошает сначала какого-то не названного по имени ангела, потом ангела Уриила, затем архангела Иеремиила о различных тайнах бытия, мира и человека, обращаясь к ним обыкновенно с таким вопросом: *Loquere mihi dominus meus*. Спрашивает, например, о том: *quare modici et mali anni nostril* и т. п. Из ответов ангелов на такие вопросы о таинственном или конечном значении для человека разных предметов и явлений мира состоят большая часть второй главы и третья и четвертая главы. *Fabricu. Codex apocriphor. Volume II, p. 202–237.*

духами или силами, борющимися с враждебными началами и силами мифологического мирозерцания. Это, по народному представлению, были добрые духи или начала, поборающие зловредные силы и начала физической жизни¹². В таком значении, они вместе с святыми, изображаются в народных суеверных наговорах или заговорах и закланиях нового, христианского цикла. Как в языческих заговорах или наговорах и закланиях являются действующими исключительно религиозно-мифические олицетворения Перуна, Дажьбога, Стрибога, солнце, луна, гром, молния, ветры, огонь, вода, роса утренняя и вечерняя, звезды и проч., так в переходных от язычества к христианству заговорах или наговорах нового, двоеверного, мифически-христианского склада или цикла являются действующими силами главным образом ангелы и святые. Старые язычески-мифологические оттенки только

¹² Как у древних греков были особые поднебесные, воздушные духи, δαίμονες, πνέυματα, ἀγαθὸς δαίμων, κακὸς или πονηρὸς δαίμων, νύμφαι, μοῖραι, κῆρες и проч., у немцев и скандинавов свои elfen, vatten, dockalfur (dunkelbe, genii obscuri) и hosalfar (dunkelbe) и проч., так и у славян были особые духи воздушные, поднебесные, дивы, русалки, вилы, *град градившие от облака*. Под влиянием христианских апографических книг все эти демоны стали признаваться *подлунными воздушными злыми демонами и подсолнечными ангелами*, так же как у германцев, по словам Гримма, «an sich gleichen liosalfar und svartalfar (döckälfan) hinreichend den christlichen Engeln und Teufels» («Сами по себе льёсальфары и свартальфары (докальфары) достаточно похожи на христианских ангелов и дьяволов») (D. M., 415). Так в Луцидариусе читаем: «...от земли даже до луны, лукавы дуси, демони ге суть поставлени, человеки от воздуха прельщающе, *а от луны даже до звезд пребывают святшии ангели*, сии суть поставлена, да человеки хранят от лукавых бесов» (Летоп. р. литер. 1, II, с. 44, 1859).

подкрашивают эти новые христиански-языческие или двоеверные заговоры. В таком виде изображаются в этих последних заговорах и ангелы, и святые. Ангелы, например, разгоняют злых духов, удаляют, в образе мифического Нежита, враждебную жизни силу, в пустые горы и в зверей. Так, в одной сербской молитве Нежиту, распространенной и в Древней Руси, читаем: «Поиде 7 ангел, 7 архангел, 7 свещь носеще. 7 ножь остреще и сrete их архангел Гавриил и рече им: камо идете 7 ангел, 7 архангел, 7 свещь несеще, 7 ножь остреще, и реще ему й: идем Нежита осещи изыгнати». Или в другой молитве тому же Нежиту читаем: «Седмь десять ангел, семдесять архангел, и сrete и святой Михаил и Гавриил и святой Козма и Домияне. И рекоша емоу: камо идеши Нежите. И рече имь Нежит: Идоу человеку главу кости преломити, мозьга срыцати. Рекоша емоу: Иди в поустоую гору и вышед в Еленю (оленью) главу и останися раба божия имрек и тоу клетву да имаша, и иже смешает воду, подобне и есть егда станешь добре. Станешь страхом тако да станет с Нежить». В третьей молитве святой Михаил-Гавриил так заклиняет и поборае злое начало небытия и смерти: «Святой Михаил-Гавриил гредите возьмь железьнь зоукь железьнь стрелы стреляти хоте елена и елеиоу и не обрете тоу елена и елеиоу и обрете Нежита, иже сидеше на мырацеппв (sic) и выпроси его: что ты еси иже седиши на мырацеппв? Отвещав емоу: аз есмь Нежить, иже человеке глава расцеплю и мозьгь исьрчу кровь емоу пролею. И рече ему Михаил Гавриил, проклеты, про-

клеты Нежите, не мозьга сръчи. ни главы расцепи, нь иди в пустую гороу влези в елену главоу. та ти есть тръпелива тръпети те. аще ли же по семь дни обрещоу. любо же посекноу. любо же прострелю. И взмолися Нежить непосеци и не прострели мне. да бежоу в гору и в елену главу егда имать по три земле»¹³. Особенно у старообрядцев сохранилось множество таких заговоров или заклятий, в которых являются действующими ангелы, архангелы, преимущественно Гавриил-архангел, Михаил-архангел, вместе с разными святыми и пророками. Представляя в духовно-нравственном развитии массы народной самобытный, свободный переход народной мыслительности или народного духа от чисто мифологического, языческого мирозерцания к свободному, своеобразному мирозерцанию христианскому, церковно-библейскому, – русское старообрядство преимущественно создавало заговоры или заклятия, так же как разные эпические песни, нового цикла, нового духовно-христианского содер-

¹³ За сообщение этих «молитв Нежиту» приношу искреннюю благодарность В. И. Григоровичу. В немецких эпических заговорах и заклятиях ангелы также представляются действующими лицами. См. *Grimm. D. M. Bechwörungen*, IX и XLVII. Например, *Spruch gegen Diebe* начинается: *Wie Maria im Kindbette lag dre Engel ihr da pflagen: der erste hiess S. Michael, der andere S. Gabriel, der dritte hiess Rafael* и проч. S. CXSVI. В заклятии *gegen vendsel* (*gicht, ghedschmerz*) также упоминаются 12 *gudds engle* S. CXLXVIII. Заклятие под № VIII *reissegen* начинается: *ic dir nach sihe, ic dir nach sendi mit minen funf schil flugirin funvi undi funfzic engiti* и проч... В заклятии под № IX: *Herre Sce Michahel himto wistu N. sin schilt und sin sper*. Заклятие *feuersegen* читается: *mein haus das sei mir umbeschwaifen mit engelischen vaifen, mein haus sei mir bedekt engelischen decl.* S. CXL.

жания, сохраняя в то же время и старую, религиозно-языческую ткань или первооснову их. В приложении к этой статье присовокупляем несколько старообрядческих заговоров нового христианско-мифологического цикла, в которых в мифических образах представляются ангелы, вместе со святыми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.